

Кирилл Соловьёв

Рец. на: А.С. Туманова. Общественные организации в России: правовое положение. 1860–1930-е гг. М.: Проспект, 2019. 480 с.

Kirill Solovyov

*(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Rec. ad op.: A.S. Tumanova. Obschestvennye organizatsii v Rossii: pravovoye polozhenie. 1860–1930-e gg. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S0869568722010216

Россия конца XIX – начала XX в. была сложно устроена и с каждым годом становилась всё сложнее. Непрерывно менявшее свою конфигурацию государство сопрягалось с постоянно растущим – количественно и качественно – обществом. Привычная дихотомия «власть – общественность», при всей внешней очевидности, скорее

упрощает ситуацию, сводит её к элементарным вопросам сотрудничества и конфликтов правительства и интеллигенции, бюрократии и публики. Это прочтение политической истории России рубежа веков вполне традиционное, в целом обоснованное, но всё же далеко не самое точное. В новой монографии А.С. Тумановой предлагается

совершенно иное, куда более объёмное видение проблемы. Этот эффект достигается благодаря сочетанию теоретически «заточенных» наукоёмких подходов и вместе с тем скрупулёзной источниковедческой работой с опубликованными и архивными материалами. Автору удалось точно определить предмет изучения и безошибочно находить его в безмерном документальном наследии.

Нужно отметить, что в общественной жизни России того времени было не два, а существенно больше контрагентов, беспрестанно споривших друг с другом и периодически договаривавшихся. Власть и общество — два взаимообусловленных, но, в сущности, альтернативных видения России. С одной стороны, была страна, придуманная в канцелярии. С другой — вымышленная в кружке или салоне. И у столоначальника, и у столичного журналиста имелось до крайности мало сведений о том, что происходило за пределами столиц и больших городов. Дефицит информации компенсировался избытком фантазии, особой у чиновников и общественников. Первые опирались на совокупность циркуляров и законодательных норм, которые должны были превозданный хаос провинциальной России привести в некое подобие петербургского космоса. Вторые руководствовались подборкой журнальных и газетных статей, в которых проектировался новый, неведомый прежде порядок. С одной стороны, речь шла об управленческих практиках, с другой — о безуспешных поисках организационного единства авторов, имевших разные взгляды.

Эти две России очень нуждались друг в друге. В сущности, ещё на рубеже XVIII—XIX вв. общественность была учреждена государственной властью. Этому способствовали и законодательные решения, и возникшие учебные заведения, а впоследствии — и Великие реформы, благодаря которым об-

разовались, по сути, новые социальные страты: земцы и земские служащие, адвокаты, сотрудники частных компаний и т.д. Правительство нуждалось в обществе, пускай подчас капризном и непредсказуемом, и поощряло его развитие и расширение. *Публика*, говоря языком XIX столетия, состояла, в том числе (а может быть, даже в первую очередь) из дискуссионных площадок, где определялась повестка дня, формировался категориальный аппарат, выносились оценочные суждения. Потом они расходились по всей России, смело заимствовались и правительственными чиновниками, и представителями радикальной оппозиции. При отсутствии публичной политики эти практики значили слишком много, став, по сути, суррогатом представительного учреждения, своеобразной «республикой» общественного мнения в условиях самодержавия.

Разумеется, правительственное и общественное постоянно пересекались. Это случается так или иначе везде, но особенно проявилось в России XIX — начала XX в. Представители чиновничества и публики были теснейшим образом связаны между собой родственными, дружескими, корпоративными связями. Часто они являлись одними и теми же людьми, просто в разных обстоятельствах игравшими в разные игры. Но это сближение не отменяло, а лишь запутывало конфликт.

Разговор об обществе того времени становится сложнее и интереснее, когда он переводится на язык реалий России XIX в. В этом случае невольно возникают вопросы, на которые не так просто ответить. Например, представители фамусовского круга — это московское общество первой четверти XIX в.? А «высший свет» гоголевского города N? Видимо, это провинциальное общество уже николаевской поры? Или, может быть, к общественности следует

отнести весьма неоднозначных героев романа Ф.М. Достоевского «Бесы»? Нет сомнений, что художественная литература — слишком непростой исторический источник, не всегда надёжный и никогда не прозрачный. Однако от него так просто не отмахнёшься. Образы классической русской литературы крепко сидят в сознании нашего просвещённого современника. Впрочем, и в XIX в. они не только регистрировали происходящее, но и непосредственно влияли на него. Неслучайно столь популярно мнение о литературоцентричности русской культуры классической эпохи.

Так или иначе, редких литературных героев того времени можно без всяких скидок отнести к обществу. Значит ли это, что к нему можно причислить лишь избранных: некоторых (далеко не всех) профессоров университетов, журналистов столичных газет и их считанных почитателей и читателей? Видимо, нет. Общественность включала в себя заметно более широкий круг лиц, не только её представлявших или говоривших от её имени, но и пассивно взиравших со стороны на то, как меньшинство осмеливалось выступать от имени молчаливого и преимущественно безразличного большинства. Это общество — не только читающая публика и не простая совокупность различных групп населения, но и, говоря языком XIX в., практики «самодеятельности».

Собственно им и посвящена монография Тумановой. Общество путём проб и ошибок искало свою тропу самоорганизации. Оно пользовалось всеми возможностями, предоставленными властями, и постепенно, шаг за шагом, расширяло пространство свободы и собственной инициативы. Совершенно невольно оно оказывалось фактором политических изменений и, не осознавая этого, остро нуждалось в новой России, где было бы востребовано его видение страны. Как раз по этой

причине автор делает акцент на особом юридическом стиле мышления правоведов рубежа веков, их категориальном аппарате, понимании прав и свобод человека. Эта корпорация говорила о государстве и, фактически, от имени государства. Её усилиями ковались чиновничьи кадры, формировались представления о праве и законах, проектировался политический и социальный строй будущей России. Это была лаборатория государственоведения. Весьма характерно, что «первую скрипку» там играли настоящие и будущие лидеры партии кадетов, не ставившие под сомнение ценность правового государства. Можно дискутировать о перечне прав человека, но никто не оспаривал его необходимость. Этот дискурс эпохи во многом определял стиль поведения абсолютного большинства политических акторов того времени.

Важным было не количество представителей общественности и их влияние на те или иные социальные группы, а распространение общественной кооперации и инициативы, периодической печати. В рамках такого подхода общество — это в первую очередь институты, что снимает коварный вопрос о «цензе активности», которого на самом деле не существовало. В общей массе людей пассивных и инертных лишь немногие были способны предлагать новые идеи и следовать смелой партийной тактике. Но здесь проявилась неумолимая сила общественных институтов, способных мобилизовать самых далёких от политики.

В этом (и, разумеется, далеко не только в этом) — сильная сторона монографии Тумановой. Общественная жизнь — не удел героев, готовых бороться за свои права, но каждодневная практика различных организаций. В большинстве своём они не видели своей миссией политическое противостояние, а решали бытовые проблемы, причём зачастую — с санкции властей.

Их становление – естественный результат эволюции государства и социума, мобилизация людей, далёких от политики. Однако из них складывались ассоциации, а из тех – уже *гражданское общество*.

О его наличии или отсутствии в России начала XX столетия принято многословно спорить. Историки любят подобные дискуссии, так как они позволяют умело обойти действительно серьёзные научные проблемы, подменить исследовательскую работу игрой в шарады. Книга Тумановой – в том числе о тщетности этих словесных баталий. Само словосочетание «гражданское общество» многозначно и в рамках различных интеллектуальных и национальных традиций может быть интерпретировано по-разному. Однако оно позволяет верно настроить исследовательскую оптику и проследить динамичный процесс социального структурирования.

Как уже отмечалось, масштаб явления измеряется не численностью участников общественных организаций. Неслучайно Туманова делает акцент на ценностных ориентирах, этосе поведения, наконец, на правовых рамках деятельности. Гражданское общество –

это своего рода функция, *грань* социума, с которой то и дело сталкивалась государственная власть, видимо, без всякого удовольствия. Правительству пришлось приноравливаться к этой особенности российского общества, а значит – меняться. Этот процесс не мог быть безболезненным и подразумевал мучительные трансформации, которые в итоге оказались роковыми для политической системы, как, впрочем, и для самого гражданского общества: в условиях Советской России оно сравнительно быстро аннигилировалось. И об этом обстоятельно написано в рецензируемой книге.

Однако главный сюжет рассматриваемой монографии иной: многомерность общественной жизни предреволюционной России, неразрывная взаимосвязь социальных, интеллектуальных, правовых, политических процессов. Проще говоря, возникновение общественных организаций – лишь один из элементов большого «пазла», который включал в себя и культурные подвиги, и политическую трансформацию, и экономическую динамику. Всё это важные составляющие единого процесса модернизации страны, так драматически прерванного в 1917 г.